

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.21>

Завьялова Наталья Борисовна

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЛИТЕЛЬНОГО СТРЕССА

В статье представлен авторский подход к исследованию трансформации языкового сознания. Рассмотрены особенности трансформации языкового сознания в психолингвистике. Целью эксперимента является изучение влияния длительного аффекта на семантическую организацию языкового сознания. Новизна материала состоит в оригинальном подборе экспериментальных методов, позволяющих выявить изменения категоризирующих свойств сознания под воздействием длительного аффекта. Получены выводы о том, что под действием аффекта категоризация денотатов осуществляется не по предметным признакам, а по их эмоциональным компонентам.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 1. С. 89-95. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81

Дата поступления рукописи: 04.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.21>

В статье представлен авторский подход к исследованию трансформации языкового сознания. Рассмотрены особенности трансформации языкового сознания в психолингвистике. Целью эксперимента является изучение влияния длительного аффекта на семантическую организацию языкового сознания. Новизна материала состоит в оригинальном подборе экспериментальных методов, позволяющих выявить изменения категоризирующих свойств сознания под воздействием длительного аффекта. Получены выводы о том, что под действием аффекта категоризация денотатов осуществляется не по предметным признакам, а по их эмоциональным компонентам.

Ключевые слова и фразы: языковое сознание; изменённое состояние сознания; категоризация; трудная жизненная ситуация; семантический дифференциал.

Завьялова Наталья Борисовна

Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

Кризисный центр помощи женщинам и детям, г. Москва

nbz17@mail.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЛИТЕЛЬНОГО СТРЕССА

Актуальность экспериментального исследования трансформации языкового сознания в условиях длительного стресса обусловлена всё возрастающим интересом прикладной лингвистики к проблеме естественной речевой коммуникации. Необходимость изучения закономерностей эмоционально насыщенного общения диктуется ростом социальной напряженности между и внутри различных социальных групп, вызванной факторами, в той или иной степени носящими экономический, этнический, политический, психологический и пр. характер. Так, например, средства массовой информации информируют о нормативном введении со стороны других государств различных ограничений на употребление русского языка для русскоговорящих граждан. Всё чаще можно услышать критику экспертов в сфере культуры и национального языка по поводу употребления различными деятелями «варваризмов» в публичной речи. Также можно отметить увеличение распространенности профессиональных жаргонов в деловом общении специалистов в работе, связанной с высокой коммуникативной нагрузкой. В анализе семейных отношений специалисты-психологи выделяют длительное исключение диалогических форм общения между супругами как основную причину конфликтов, ссор, разводов. Пилотный анализ описанных выше фактов позволяет предположить, что речевые и языковые аспекты критически напряженных социальных отношений сигнализируют о проблемах, лежащих в поле трансформации (деформации) языкового сознания, языковых и неязыковых образов, а также «картины мира». Учитывая междисциплинарный, прикладной характер проблемы трансформации языкового сознания, её решение возможно с привлечением теоретического инструментария психолингвистики, социолингвистики, общей и социальной психологии.

Проблема трансформации (деформации) сознания, изменённых состояний сознания входит в предметное поле различных наук: психологии, психиатрии, философии, социологии. Активные систематические исследования особенностей, закономерностей, механизмов изменений состояний сознания (ИСС) начинаются с работ американского психиатра Арнольда Людвиг [8]. Ученый вводит определение измененного состояния сознания, под которым понимается «любое психическое состояние, индуцированное физиологическими, психологическими или фармакологическими событиями или агентами различной природы, которые распознаются самим субъектом или внешними наблюдателями и представлены существенными отклонениями в субъективных переживаниях или психологическом функционировании от определённых генерализированных для данного субъекта норм в состоянии активного бодрствования» [17, р. 9]. Дальнейшие разработки проблемы изменённых состояний сознания условно можно разделить на две группы: 1) теоретические модели, рассматривающие ИСС в рамках отклонения от психической нормы; 2) теоретические модели, трактующие ИСС как форму сознания с новым репрезентативным содержанием. К первой группе подходов, наряду с учением А. Людвиг, можно отнести научные воззрения К. Мартиндэйл, предложившей континуальную модель ИСС, при которой другая форма сознания понимается как результат его непрерывной регрессии, т.е. возврата к предыдущим состояниям [18].

Вторая группа подходов включает модель культурной обусловленности ИСС Э. Бургиньон, согласно которой развивается мысль об адаптивной функции изменённых состояний сознания, возникающих в ответ на изменения различного характера в отношениях между людьми и их опытом [3]. Ч. Тарт в предложенной дискретной модели ИСС предлагает рассматривать его как новую психическую систему с присущими только ей характеристиками, возникшую в ответ на перемену внешних условий [14]. Теория смежных состояний сознания А. Диттриха представляет ИСС как переходную структуру сознания от бодрствования к бессознательному [16]. Причем таких переходных структур множество, и функционируют они смежно, что обеспечивает корреляцию между ними.

Трансперсональная психология исходит из понимания ИСС как некоего психического механизма, который приводит к спонтанным и самопроизвольным достижениям в интеграции личности [13]. Здесь можно отметить исследования Д. Бома, А. Ревонсуо, К. Уилбера, Р. Уолша и др.

В отечественной психологии к проблеме изменённых состояний сознания обращались В. А. Петровский, В. В. Козлов, В. В. Кучеренко, А. В. Россохин, В. Ф. Петренко, О. В. Гордеева, С. П. Безносков и др. Так, А. В. Россохин предложил понимать ИСС как «состояния, в которых происходят трансформации семантических пространств субъекта, изменения формы категоризации, сопровождающиеся переходом от социально-нормированных культурой форм категоризации к новым способам упорядочения внутреннего опыта и переживаний» [Там же]. О. В. Гордеева рассматривала ИСС через призму культурно-исторической концепции Л. С. Выготского [4]. В. В. Козлов выделяет расширенное состояние сознания (РСС) и нулевое состояние сознания. Автор отмечает соподчиненный характер отношений изменённого состояния сознания и расширенного состояния сознания и трактует его как «особое состояние изменённого сознания, которое возникает при связном дыхании» [7, с. 15]. Исследователь выделяет следующие виды изменённых состояний сознания: медиативные, трансовые, психоделические и др. В основном РСС трактуется как процесс достижения определенных психических и психофизиологических состояний посредством различных дыхательных техник. Трансовые состояния сознания характеризуются «сумеречным» помрачением сознания с нарушением ориентировки в окружающем пространстве [Там же, с. 55]. Автор определяет в качестве психологического механизма изменения состояния сознания торможение процесса внимания, вызванное переживанием эмоций или аффекта при восприятии какого-либо объекта. Подобный психологический эффект может также возникнуть в ходе интроспекции, процесс и результат которой В. В. Козлов описывает как «...особую отрешенность сознания, вызываемую произвольно (при аутогенных тренировках, сеансах самовнушения, направленных визуализациях, медитациях) или возникающую спонтанно при “застревании” внимания на объектах интроспекции или качествах восприятия внешних предметов» [Там же, с. 57].

С. П. Безносков анализирует механизмы трансформации сознания при профессиональной деформации личности. Автор утверждает, что деформация личности есть «процесс и результат влияния субъектных качеств человека, сформированных в соответствии со спецификой определенного профессионального труда, на личностные свойства целостной индивидуальности работника-профессионала» [1, с. 4]. С. П. Безносков опирается на деятельностный подход при характеристике данного явления. Психологическим механизмом деформации, по Безноскову, выступает рассогласование норм человека как субъекта профессиональной деятельности с его личностными нормами и свойствами в конкретной жизненной ситуации. Систематический неадекватный перенос норм профессиональной деятельности в сферу личностного, бытового взаимодействия приводит к негативным изменениям личности человека, его сознания.

В своих рассуждениях С. П. Безносков отчасти затрагивает вопрос о деформации языкового сознания. По мнению автора, усвоение профессионального языка может либо формировать, либо деформировать сознание. Терминологически означенный в сознании образ предмета профессиональной деятельности структурирует содержание психики в соответствии с внутренней «логикой предмета». Логика предмета профессиональной деятельности действует принудительно на сознание человека, побуждая выстраивать поведение в заданном порядке. Автор подчеркивает, что риск деформации увеличивается при взаимодействии с одушевленным предметом профессиональной деятельности. Именно в этом случае профессиональная деятельность насыщается эмоциями, чувствами, что и приводит в итоге к рассогласованию субъекта и личности [Там же, с. 23-39].

Проблема трансформации языкового сознания глубоко проработана в рамках отечественной психосемантики [11]. В. Ф. Петренко анализировал, прежде всего, психологическую составляющую значения термина, включенного в некий тезаурус. По утверждению ученого, под воздействием эмоций семантическая структура тезауруса существенно изменяется. В. Ф. Петренко пишет по этому поводу: «Значения существуют только в системе отношений и раскрываются через его систему. Поэтому изменение под влиянием аффективной окраски характера ассоциативных связей перестраивает и весь тезаурус (структуру) индивидуального сознания» [Там же, с. 55]. В своем эксперименте В. Ф. Петренко сравнивал между собой характер классификации двух серий существительных: контрольной и аффектированной. По замыслу ученого, замена двух слов из контрольного набора на два других, семантически близких, но с выраженной негативной эмоциональной окраской, в аффектированном наборе должна вскрыть закономерности категоризации и структурирования лексики. Например, слово *ящик* из первого набора заменялось во втором на *гроб*, а *тело* – на *труп*. Испытуемых из обеих групп просили классифицировать по своему усмотрению предъявленный лексический материал. Кластерный анализ результатов показал, что аффективные слова существенно изменяют семантическую структуру. Если в контрольной серии слова классифицируются по сходству существенных признаков: категории «средства транспортировки», «природа», «профессии», «психические состояния» и т.п., то в аффектированной серии слова группируются на основе эмоционально-оценочного сходства по отношению к негативно окрашенным стимулам. В. Ф. Петренко пишет: «Отцепленные от различных денотативных группировки слова образовали два самостоятельных кластера. Это группировка: *гроб, труп, скелет, носилки, больница, врач*; и группировка: *милиция, суд, прокурор, офицер*» [Там же, с. 161]. Видно, что слова с выраженной аффективной окраской усиливают аффективные компоненты других слов. В свою очередь, лексические наборы других кластеров также претерпели изменения. Отмеченные изменения происходят вследствие перехода от категоризации семантического пространства по предметно-функциональным признакам к обобщению по признакам аффективно-коннотативным. Аффект, по Петренко, обеспечивает этот переход.

Аффективная организация лексики формирует «новые, более простые и емкие фигуры сознания», сознание «уплощается», т.е. снижается уровень его когнитивной сложности (размерности) [Там же, с. 164].

Эксперименты В. Ф. Петренко наглядно демонстрируют процесс трансформации языкового сознания. Вместе с тем без объяснения остаются особенности трансформации языкового сознания людей, находящихся под длительным воздействием аффекта. Кроме того, неясно, существуют ли различия в трансформации языкового сознания при разной степени аффективного воздействия. В. Ф. Петренко организовывал исследование людей, находящихся в пределах так называемой «психологической нормы». В нормальном состоянии психика людей позволяет без труда вычленять из окружающей действительности ситуации, несущие негативную или позитивную эмоциональную нагрузку, а также оценивать их нейтральность. В психологии эмоций подробно описаны механизмы сенсорного «обострения» при восприятии ситуаций с отрицательным стимулом. Кроме того, в условиях кратковременного стресса (аффекта) происходит подчинение всех периферических психических процессов доминантному, обеспечивающему адекватную (защитную) реакцию на отрицательный ключевой раздражитель. Этим возможно объяснить переходы от денотативной к коннотативной семантической организации при кратковременном аффекте.

При длительном стрессовом воздействии психика человека травмируется. Сильные негативные эмоции (страх, ужас, беспокойство, беспомощность и др.) разрушают индивидуальную картину мира. Человек с подобным психоэмоциональным состоянием не способен адекватно воспринимать окружающий мир, производить отбор ситуаций, стимулов и событий. Можно предположить, что деструкция индивидуальной картины мира, «уплощение» сознания, происходит по причине тотального изменения характера категоризации. А именно максимально уменьшается размерность семантического пространства по предметно-функциональным признакам, и одновременно происходит генерализированное упрощённое обобщение окружающего мира посредством (негативных) эмоциональных форм. Причем процесс трансформации сознания под длительным воздействием аффекта характеризуется малой обратимостью к прежнему состоянию. В экспериментах В. Ф. Петренко для восстановления привычных категориальных форм достаточно было предъявить испытуемым из аффектированной группы наборы терминов без слов с негативной аффективной окраской. Наверняка люди с психологической нормой продемонстрировали бы предметно-функциональную дифференциацию речевых стимулов. У людей же с психоэмоциональным состоянием, выходящим за пределы нормы, опираясь на понимание ИСС А. В. Россихина [13], можно утверждать о наличии деформированной категоризации любых воспринимаемых предметов, речевых стимулов, даже аффективно не окрашенных.

Для проверки выдвинутого предположения необходимо организовать экспериментальное исследование особенностей трансформации языкового сознания у испытуемых, находящихся под длительным воздействием аффекта. Под обозначенные характеристики целевой группы подпадают женщины, находящиеся в трудной жизненной ситуации [5].

В экспериментальном исследовании участвовали две группы респондентов общей численностью 200 человек: а) группа «норма» – женщины с психоэмоциональным состоянием в рамках психологической нормы; б) группа «трудная жизненная ситуация» (ТЖС) – женщины, состоящие на учёте в службах социальной защиты как находящиеся в трудной жизненной ситуации. Эксперимент проводился на базе ГБУ города Москвы «Кризисный центр помощи женщинам и детям» в период с 2016 г. по 2017 г. Группу ТЖС составили женщины со следующим типом трудной жизненной ситуации:

- подвергшиеся семейному насилию;
- одинокие или в состоянии развода;
- находящиеся в наркотической, алкогольной и др. зависимости;
- жены, чьи супруги (близкие родственники) находятся в наркотической, алкогольной и др. зависимости;
- женщины, чьи дети или другие члены семьи подверглись физическому, психологическому или информационному насилию;
- перенесшие потерю близкого человека;
- инвалиды;
- женщины, чьи дети или другие члены семьи находятся в ситуации жизненного кризиса;
- представительницы молодых семей;
- испытывающие проблемы с репродуктивной функцией;
- одинокие женщины, воспитывающие одного и более детей;
- безработные.

В ходе экспертного опроса были отобраны 15 терминов, характеризующих женщину с точки зрения её социально-ролевого функционирования. Затем было проведено шкалирование отобранных терминов по методу семантического дифференциала. Анкеты для оценки предъявлялись представителям обеих групп. Полученные данные были систематизированы посредством факторного анализа [6].

Интерпретация полученных данных осуществлялась по следующим критериям. Во-первых, оценивалось количество категорий, по которым группировались слова. Во-вторых, учитывались значения факторных нагрузок групп терминов, а также равномерность их распределения между группами. Высокие значения факторной нагрузки на категорию указывали на эмоциональную акцентуацию сознания испытуемых в соответствии с обобщёнными социальными ролями. Низкие значения были характерны для «конкретного» понимания испытуемыми термина, денотат (социальная роль) которого доступен для адекватного восприятия. В-третьих, в каждой категории выделялись ключевые слова с наиболее высоким факторным весом. Данное ключевое

слово определялось как обобщающее и выступало в качестве гиперонима по отношению к другим входящим в группу. Поскольку факторный вес указывает на выраженность свойств объекта, то слово с наибольшим количественным значением в отдельной группе усиливает (по Петренко) денотативные или аффективные свойства остальных слов группы. Другими словами, слово с наибольшим факторным весом является доминантным по отношению к другим. В-четвертых, определялся предметно-функциональный или аффективный характер обобщения в отдельной группе в зависимости от отношений типа трудной жизненной ситуации и ключевых слов, вокруг которых происходит аффектированное объединение других. В-пятых, проводился психологический анализ семантических связей лексического состава выделенных категориальных групп.

Результаты интерпретации данных группы «Норма» приведены ниже (Таблица 1).

Таблица 1. Классификация терминов социально-ролевого функционирования женщин в группе «Норма»

№№	Категория	Гипонимы	Факторная нагрузка (%)
1.	Образцовая жена	идеальная мать, мой идеал женщины, мать, Я, жена, женщина	24,4
2.	Труженица	старуха, домохозяйка	16,2
3.	Девочка	девушка, дочь	15,4
4.	Любовница	деловая женщина	10,9

В группе «Норма» испытуемые распределили слова на четыре группы: *образцовая жена*, *труженица*, *девочка* и *любовница*. В целом равномерная умеренная факторная нагрузка на каждую группу указывает на оптимальный баланс предметно-функциональных и аффективных признаков, используемых испытуемыми при классификации слов. Понятие «образцовая жена» выступает гиперонимом по отношению к входящим в данную группу словам. Основным денотативным признаком, по которому включались слова в эту группу, выступают культурные представления о благополучной семье. Образцовая жена – это и *идеальная мать*, и *идеальная женщина*, и, конечно же, это сама испытуемая – *Я*. Следует отметить логичность последовательности ролей: сначала я – идеальная жена, поскольку большинство женщин вступает в брак с идеализированными представлениями о замужестве; затем я – идеальная мать, поскольку потребность в рождении ребенка обусловлена идеальными представлениями о материнстве; реализация предыдущих ролей идеализирует осознание себя как женщины, поскольку существует устойчивый социальный стереотип «любая женщина должна выйти замуж и родить ребенка». Включение в данную категорию *Я* указывает на самоидентификацию испытуемых с обобщающей ролью «образцовой жены», а также на благополучие семейной жизни женщин группы «Норма».

В категорию «*труженица*» вошли понятия, характеризующие каждодневный, порой тяжелый труд: *старуха* и *домохозяйка*. Труд женщины зачастую не оценивается должным образом. Старуха, в которую с возрастом превращается любая женщина, утрачивает свою внешнюю привлекательность и вынуждена находить хоть какое-то социальное признание, даже берясь за работу в трудных физических и психологических условиях. Такой образ престарелой женщины мы встречаем в рассказе И. А. Бунина «Старуха»: «Хозяйка, которой по годам уже давно следовало стыдиться ревновать, с ума сходила от ревности и наконец-таки поставила на своем – наняла в кухарки старуху. Хозяин, который уже давно красился, но все свои помыслы устремлял только на женский пол, решил сжить эту старуху со свету. И правда, была старуха куда как нехороша собой: высокая, гнутая, узкоплечая, глухая и подслепая, от робости бестолковая, готовила, несмотря на все свои старания, из рук вон скверно. Она трепетала за каждый свой шаг, из сил выбивалась, чтобы угодить. Не радостно было ее прошлое: ну, конечно, муж разбойник и пьяница, потом, после его смерти, чужие углы и побои под окнами, долгие годы голода, холода, бесприютности... И уж как же была старуха счастлива, что опять она стала не хуже людей, – сыта, тепла, обута, одета, служит у чиновника» [2, с. 258]. Кроме того, в отечественной культуре и психологии семейных отношений принято перекладывать обязанности по ведению хозяйства в доме на пожилых родителей, в то время как молодые семейные дети полностью отдаются профессиональной работе. Этим объясняется включение в категорию «*труженица*» понятия *домохозяйка*. Итак, труженица, старуха, домохозяйка – это те роли, в представлениях о которых нивелированы признаки женщины как женщины.

Категория «*девочка*» включает понятия *девушка*, *дочь*. Данные слова обобщены по возрастному признаку. Взрослые женщины группы «Норма» психологически адекватно ассоциируют обозначенные понятия с младшими по отношению к ним по возрасту и со своими детьми.

Понятие *любовница* тесно связывается испытуемыми с понятием *деловая женщина*. Объяснением этому могут служить социальные стереотипы замужних женщин и данные социологических опросов [12] о том, что их супруги чаще заводят внебрачные романы с коллегами по работе. Кроме того, в сознании россиян доминируют представления о ведущей роли мужчины в бизнесе и деловых отношениях, а достижения деловых женщин (*business woman*) оценивают исключительно как результат их возможных интимно-личностных отношений со статусными представителями мужского пола.

Таким образом, представленная классификация терминов обобщена по предметно-функциональным признакам, имеет адекватное распределение факторной нагрузки, семантика обобщенных слов логична и соответствует психологической норме. Это позволяет принять в нашем исследовании данное распределение социальных ролей женщины как речемысловое отражение её нормального, недеформированного языкового сознания.

Далее приступим к анализу результатов исследования языкового сознания женщин из группы «ТЖС» (Таблица 2).

Таблица 2. Классификация терминов социально-ролевого функционирования женщин в группе «ТСЖ»

№№	Категория	Гипонимы	Факторная нагрузка (%)
1.	Труженица	девочка, девушка, старуха, дочь, деловая женщина, любовница, Я, женщина	34,6
2.	Мать	идеальная мать, мой идеал женщины, образцовая жена, жена, домохозяйка	31,2

Из Таблицы 2 видно, что в группе «ТСЖ» отмечается существенное (на 50%) снижение количества категорий с 4-х до 2-х. Факторная нагрузка между категориями распределена равномерно – 34,6% и 31,2%. Однако отмечается увеличение, по сравнению с группой «Норма», числовых показателей уровня значимости обеих категорий, что указывает на эмоциональную акцентуацию данных категорий в сознании женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Ключевыми понятиями, которые объединяют остальные слова, выступают *труженица* и *мать* (слова с наивысшим факторным весом в своих группах). Категория *труженица* включает слова, в значении которых нивелированы женские характеристики. Отметим, что помимо *старухи* в группу входят *девочка, девушка, дочь, деловая женщина, любовница, Я и женщина*. У женщины, которая не воспринимает отмеченные роли как женские, в том числе не воспринимает как женщину саму себя (*Я*), может быть психологическая травма, приведшая её к самоотвержению. Восприятие через призму *труженицы* таких социальных ролей, как *девочка, дочь, девушка*, возможно, есть следствие прошлых проблем в семейном воспитании испытуемых, а также деструктивных актуальных детско-родительских отношений. Зачастую в психологически проблемных семьях дочери наблюдают хронические конфликты родителей, которые исключают уважительное отношение мужа к жене как к женщине. Отсутствие у молодой девочки позитивного социального образца взаимоотношений мужчины и женщины обуславливает дальнейшую стихийность в формировании поло-ролевых норм. Понятие *деловая женщина* включено в данную категорию по внешнему сходству смысла: *дело* – предмет упражнения, работа, *труд*, занятие и пр. [15]. Социальная роль ‘любовница’ расценивается женщинами из группы «ТСЖ» не как компенсация нереализованных в актуальных отношениях стремлений к душевной близости, заботе и вниманию со стороны партнера, а как удовлетворение биологической потребности.

Категория *мать* включает слова *идеальная мать, мой идеал женщины, образцовая жена, жена, домохозяйка*. Примечательно, что «конкретное» понятие *мать* объемлет идеализированные значения: *идеальная мать, мой идеал женщины, образцовая жена*. Психологическая трактовка подобных семантических отношений может быть следующей. Женщина в семье фактически исполняет функции матери. Однако характер отношений с близкими, удовлетворённость семейным укладом, «образ семьи» и пр. не соответствуют её представлениям, потребностям, социально-психологическим установкам. Женщина не видит себя в «такой» семье. Выражаясь языком психодрамы [9], она не живет «здесь и сейчас», а действует, исходя из того, что было когда-то в прошлом или может случиться в будущем. В её сознании актуальны мысли: «*Вот, если бы я была лучше, моя жизнь была другой*», «*Моя мать была настоящей женщиной, а я, к сожалению, не могу быть такой*» и т.п. Гипонимо-гиперонимичная связь понятий *мать* и *жена* психологически объясняется субъективным переносом запечатлённого в детстве деструктивного сценария родительских отношений на отношения с собственным супругом. В этом случае жена воспринимает мужа как своего ребёнка и взаимодействует с ним либо авторитарно, либо попустительски. Включение в категорию *мать* понятия *домохозяйка* указывает на депривацию позитивной оценки её домашнего труда со стороны родных и близких. Не видя в ней женщины, муж и дети воспринимают работу жены/матери как должное, как само собой разумеющееся.

Таким образом, анализ категоризации терминов социально-ролевого функционирования женщины группой «ТСЖ» позволяет утверждать о трансформации (деформации) языкового сознания у испытуемых под длительным воздействием аффекта. На это указывает: а) существенное снижение категорий при дифференциации терминов; б) аффективная акцентуация выделенных категорий, о чем свидетельствует значительное повышение цифровых значений факторных нагрузок на выделенные категории; в) неадекватное изменение состава ключевых слов, образующих категории; г) усиление ключевыми словами аффективных компонентов слов, входящих в данную категорию; д) изменение характера обобщения слов с предметно-функционального на аффективный; е) соответствие семантических связей лексического состава выделенных категориальных групп психологическому содержанию переживаний женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Далее приведем краткий анализ классификаций терминов социально-ролевого функционирования женщин группы «ТСЖ» по типам трудной жизненной ситуации.

Классификация терминов испытуемых по типу «Женщины, подвергшиеся семейному насилию» представлена в Таблице 3.

Таблица 3. Классификация терминов социально-ролевого функционирования женщин по типу «Женщины, подвергшиеся семейному насилию»

№№	Категория	Гипонимы	Факторная нагрузка (%)
1.	Домохозяйка	мой идеал женщины, жена, Я, образцовая жена, женщина, труженица, девушка, идеальная мать, дочь, девочка, мать, деловая женщина, старуха, любовница	62,2

Анализ приведенной в Таблице 3 классификации показывает, что группировка слов осуществлялась только по одному (!) ключевому слову *домохозяйка*. Факторная нагрузка выделенной категории высокая – 62,2%, что указывает на выраженную эмоциональную фиксацию данной социальной роли в сознании женщин, подвергшихся семейному насилию. Этим объясняется неспособность испытуемых разделить другие термины по предметным (денотативным) признакам. Глубокие эмоциональные переживания женщины, связанные с психологическим или физическим насилием в отношении неё со стороны мужа, «стирают» в её сознании значимость других аспектов жизни – работы, друзей, матери, молодой женщины и, конечно же, её как личности, т.е. *Я* [10].

Классификация терминов испытуемых по типу «Одинокие женщины, перенёвшие или находящиеся в ситуации развода» представлены в Таблице 4.

Таблица 4. Классификация терминов социально-ролевого функционирования женщин по типу «Одинокие женщины, перенёвшие или находящиеся в ситуации развода»

№№	Категория	Гипонимы	Факторная нагрузка (%)
1.	Женщина	образцовая жена, деловая женщина, домохозяйка, жена, идеальная мать, любовница, мой идеал женщины, мать, Я	37,4
2.	Старуха	девочка, дочь, девушка, труженица	28,9

Как видно из Таблицы 4, испытуемыми выделены только две категории, что существенно (на 50%) отличается от количества категорий группы «Норма». Факторная нагрузка на выделенные группы высокая и распределена неравномерно. Это указывает на разную степень аффективной фиксации данных категорий в сознании испытуемых. В качестве ключевых слов групп выделены слова с наибольшим факторным весом: *женщина* и *старуха*. Категория *женщина* включает наибольшее количество слов, характеризующих «семейные» социальные роли. С психологической точки зрения такое обобщение закономерно. Развод лишает женщину привычных социальных функций – заботиться о муже (роль *жены*), о домашнем хозяйстве (роль *домохозяйки*), быть привлекательной для своего мужчины (роль *любовницы*), быть самой собой (*Я*). Глубокие эмоциональные переживания разведенной женщины фиксируют в сознании образы прошлых отношений и выступают некой «призмой» при восприятии окружающего мира. Фатальность мыслей о невозможности возврата былых отношений, обретения счастья с другим мужчиной обуславливает постановку личностных «табу» на восприятие себя и другими как женщины. Чтобы снизить остроту душевных переживаний, она начинает избегать ситуаций, в которых возможна актуализация её «внутренней женщины», и в итоге выбирает наиболее безопасную роль в этой жизни – роль *старухи*, которая неинтересна противоположному полу, и её удел – трудиться. Поскольку приняты решения в отношении будущей роли сопровождается когнитивной переработкой эмоциональных переживаний, то это логично объясняет разницу в степени факторных нагрузок на выделенные категории.

Классификация терминов испытуемых по типу «Женщины, перенёвшие потерю близкого (-их)» представлены в Таблице 5.

Таблица 5. Классификация терминов социально-ролевого функционирования женщин по типу «Одинокие женщины, перенёвшие потерю близкого (-их)»

№№	Категория	Гипонимы	Факторная нагрузка (%)
1.	Старуха	любовница, труженица, женщина, деловая женщина, девочка, Я, дочь, девушка	51,4
2.	Идеальная мать	мать, жена, образцовая жена, домохозяйка, мой идеал женщины	33,4

Приведённая в Таблице 5 классификация показывает, что испытуемые выделили лишь две категории для распределения терминов. Выраженная высокая факторная нагрузка на группы (51,4%, 33,4%) свидетельствует об эмоциональной фиксации социальных ролей в сознании женщин данной группы. Это позволяет утверждать о категоризации предъявленных испытуемым объектов по аффективным, а не предметным признакам. Неравномерность распределения значений факторной нагрузки говорит о различиях в соотношении когнитивных и эмоциональных компонентов образов сознания, соответствующих выделенным категориям. Ключевыми словами категорий выступают *старуха* и *идеальная мать*. Слова из категории *старуха* обобщены в основном по аффективным признакам. В ситуации смерти близкого человека образ *старухи* ассоциируется с образом *смерти* [15]. Сильные эмоциональные переживания горя, утраты приводят к вытеснению из сознания всех прежних ролей *любовница*, *труженица*, *женщина*, *деловая женщина*, *девочка*, *Я*, *дочь*, *девушка*. В подобной ситуации женщина не видит смысла в этих социальных функциях, так как сильная эмоциональная привязанность к утерянному человеку не позволяет представить себя в этом качестве без «обратной связи». Единственная роль, которую она не может потерять даже в горе, – это роль *матери*. Данное обстоятельство и усиливает когнитивные компоненты категории *мать*.

Анализ классификаций по другим типам трудной жизненной ситуации также показал снижение количества категорий, изменение ключевых слов выделенных групп, существенное увеличение факторных нагрузок,

а также соответствие семантических связей лексического состава групп психологическому содержанию типа трудной жизненной ситуации.

Результаты проведённого экспериментального исследования языкового сознания женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации, позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Нахождение под воздействием длительного аффекта приводит к трансформации (деформации) языкового сознания людей. В таком психоэмоциональном состоянии человек неспособен адекватно воспринимать и оценивать окружающий мир, производить отбор жизненных ситуаций.

2. Трансформация (деформация) языкового сознания проявляется в уменьшении размерности семантического пространства по предметно-функциональным признакам и упрощённом обобщении объектов окружающего мира по эмоциональным признакам.

3. Основным психолингвистическим механизмом трансформации (деформации) языкового сознания является смена способа категоризации семантического пространства с денотативного на аффективно-коннотативный за счет усиления аффективных компонентов речезыковых стимулов.

4. Усиление аффективных компонентов речезыковых стимулов обусловлено психологическим содержанием эмоциональных переживаний человека.

Список источников

1. **Безнос С. П.** Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004. 272 с.
2. **Бунин И. А.** Стихотворения. Рассказы. Окаянные дни. Темные аллеи. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Звездный мир, 2004. 512 с.
3. **Бургинон Э. В.** Изменённые состояния сознания // Изменённые состояния сознания и культура: хрестоматия / авт.-сост. О. В. Гордеева. СПб.: Питер, 2009. С. 29-61.
4. **Гордеева О. В.** Культурно-историческая теория Л. С. Выготского как методологическая основа изучения изменённых состояний сознания (ИСС) // Учёные записки кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова / под ред. Б. С. Братуся, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. Вып. 1. С. 134-149.
5. **Завьялова Н. Б.** Влияние трудной жизненной ситуации на языковое сознание женщин // Вопросы психолингвистики. 2017. № 2 (32). С. 74-85.
6. **Завьялова Н. Б.** Структура психолингвистического исследования особенностей языкового сознания, функционирующего в условиях длительного стресса // Жизнь языка в культуре и социуме – 6: мат-лы международной научной конференции (Москва, 26-27 мая 2017 г.) / отв. ред. Е. Ф. Тарасов. М.: Канцлер, 2017. С. 183-185.
7. **Козлов В. В.** Психотехнологии изменённых состояний сознания. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2001. 544 с.
8. **Людвиг А. М.** Изменённые состояния сознания // Изменённые состояния сознания / под ред. Ч. Тарта. М.: Эксмо, 2003. С. 14-37.
9. **Морено Я. Л.** Психодрама / пер. с англ. Г. Пимочкиной, Е. Рачковой. М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2001. 528 с.
10. **Мыскин С. В., Завьялова Н. Б.** Социокультурные аспекты семейного насилия // Социология. 2014. № 3. С. 159-163.
11. **Петренко В. Ф.** Основы психосемантики. Изд-е 2-е, доп. СПб.: Питер, 2005. 480 с.
12. **Резник С. Д., Макарова С. Н.** Гендерный менеджмент: женщины в управлении. М.: Финансы и статистика, 2009. 416 с.
13. **Росохин А. В.** Психология рефлексии изменённых состояний сознания (на материале психоанализа) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2010. Т. 7. № 2. С. 83-102.
14. **Тарт Ч.** Изменённые состояния сознания / пер. Е. Филина, Г. Закарян. М.: Эксмо, 2003. 288 с.
15. **Толковый словарь Даля** [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p/> (дата обращения: 18.12.2017).
16. **Dittrich A.** Studies on Altered States of Consciousness in Normals // Psychiatrische Universitätsklinik. Zurich: Forschungsdirektion, 1979. P. 188-197.
17. **Ludwig A. W.** Altered states of consciousness // Altered states of consciousness: a book of readings / ed. by C. T. Tart. N. Y.: Dutton, 1969. P. 9-22.
18. **Martindale K.** Cognition and consciousness. The Dorsey series in psychology. Homewood, Illinois: Dorsey Press, 1981. 462 p.

EXPERIMENTAL STUDY OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS TRANSFORMATION IN CONDITIONS OF LONG-TERM STRESS

Zav'yalova Natal'ya Borisovna

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Aid for Women and Children Crisis Center, Moscow

nbz17@mail.ru

The article presents the author's approach to the study of linguistic consciousness transformation. The peculiarities of linguistic consciousness transformation in psycholinguistics are considered. The aim of the experiment is to study the influence of long-term affect on the semantic organization of linguistic consciousness. The novelty of the material consists in the original selection of experimental methods that allow us to detect changes in the categorizing properties of consciousness under the influence of prolonged affect. Conclusions are drawn that under the influence of affect the categorization of denotations is carried out not by subject features, but by their emotional components.

Key words and phrases: linguistic consciousness; altered state of consciousness; categorization; difficult life situation; semantic differential.